

ЮРИЙ ЛУНИН

ВРЕМЕНА ДНЯ

РАССКАЗ

Ранним утром — наверное, почти ещё в темноте — кто-то вынес во двор раскладушку, положил на неё парня и накрыл его по грудь белоснежным пододеяльником.

Где-то в 8-00 мы встретились с Наташей возле её подъезда. Ещё не знали, что будем делать, куда пойдём. Решили для начала просто побродить по двору.

Двор у нас огромный, образованный стенами нескольких длинных, как пароходы, шестиэтажек, сомкнувшихся торцами над круглыми тенистыми арками, под которыми всегда прохладно и всегда приятно посвистеть или попеть. По этому двору можно гулять очень долго. В нём можно без скуки провести целый день. Тут есть фонтаны и фонтанчики, есть детская и спортивная площадки, есть несколько беседок, море цветочных клумб, а в середине — целый маленький лес из акаций, сирени и облепихи, главное место нашей молодёжи.

У нас хорошая во дворе молодёжь: любим спорт, говорим о книжках, поём красивые песни под гитару, пьём не так уж много и в основном вино. Я люблю вино. Мне даже кажется, что я мог бы стать алкоголиком, если бы не переехал когда-то в этот двор и не попал под хорошее влияние местных ребят. Я стараюсь пить не больше, чем они. Я играю с ними в волейбол, стритбол и настольный теннис, я подтягиваюсь на турнике, пью много воды.

ЛУНИН Юрий Игоревич родился в 1984 году в г. Партизанске Приморского края. Окончил Литературный институт им. М. Горького (творческий семинар А. Е. Рекемчука, 2010). Публиковался в журналах “Наш современник”, “Волга”, интернет-журнале “Литература” и др. Лауреат премии “Справедливой России”, премии им. И. А. Гончарова, премии Л. М. Леонова, российско-итальянской премии для молодых авторов “Радуга”. Женат, отец троих детей. Живёт в Подмоскowie.

Недавно я даже купил телескоп, хочу выпросить у нашего дворника ключи от крыши, чтобы придти туда ночью с Наташей и вместе разглядывать звёзды.

Мы вошли в наш лесок из акаций, сирени и облепихи, чтобы там немного поцеловаться. Мы ещё не очень часто целуемся и предпочитаем не делать этого на виду у всех.

В нашем леске есть много маленьких полянок, соединённых узенькими тропинками. На одной из таких полянок мы и увидели парня. Наташа сразу спросила его, не надо ли ему чего принести.

— Нет, спасибо, — сказал, улыбаясь, парень. — Пока всё отлично.

Мы посидели немного на краешке его раскладушки. Смотрели, как его адамово яблоко трепетно вздрагивает при каждом сглатывании, в то время как сам он зачарованно и лишь немного грустно любуется утренним небом и цветением акаций. Волосы у него желтовато-белые, почти светящиеся, слегка только темнеющие у корней. Он невероятно красив, этот парень. Настолько красив, что я даже не ревную к нему Наташу. Это то же самое, что ревновать к орлу, месяцу, водопаду.

— Мы будем к тебе заходить, — говорит Наташа, встаёт и предлагает мне сыграть партию в настольный теннис.

Пока мы идём рука об руку в сторону спортивной площадки, где находится теннисный стол, я думаю о том, что можно было и не уходить от парня. Что, возможно, не было бы ошибкой провести рядом с ним хоть весь этот день. Но я привык считать, что Наташа во многом мудрее меня, я доверчиво иду за ней — и вот уже невесомый шарик привычно, утренне щёлкает по столу. Наташа смешно кидает на подачу. В игре всегда много смешных моментов: шарик покрутится на ребре сетки и, поколебавшись, как живой, предпочтёт упасть на одну из сторон; ракетка, не попавшая по шарик, сама улетит на стол. С детской простотой мы с Наташей смеёмся над этими моментами — над безобидными каверзами судьбы, свершающимися по тем же законам, что и обидные.

Где-то через полчаса игра спокойно, не уныло надоедает нам. Мы идём посидеть в беседку. День обещает быть жарким.

— У тебя есть сегодня какие-нибудь дела в городе? — спрашивает Наташа.

— Есть, — говорю я, — кое-что, что я давно откладываю. Нужно отдать в починку мамины туфли.

— Такие хорошие туфли, что она не хочет их выкинуть, а хочет спасти?

— Да, она почему-то их любит. Это, говорит, чуть ли не единственная обувь, в которой у неё не болят ноги.

— Давай сходим, — предлагает Наташа.

— Давай, — говорю я. — Тогда я сбегая за туфлями, а ты иди потихоньку к моему подъезду.

— Пойдём вместе, — говорит Наташа. — Заодно заглянем к парню. Посмотрим, как у него дела.

Мы выходим на полянку, где лежит парень. Он всё так же преданно-зачарованно глядит на небо и кусты. Только руки его теперь выпростаны из пододеяльника и крепко сжимают алюминиевые края раскладушки. Наташа считает нужным поправить ему подушку.

— А, да-да, спасибо, — говорит парень.

— Мы пойдём в город, — сообщает ему Наташа. — Тебе что-нибудь купить? Например, мороженого.

— Ну да, можно и мороженого, — говорит парень. Видно, что для него это не очень важно. Видно, что ему слишком хватает просто лежать среди этих кустов на раскладушке, дышать и видеть. Я понимаю: именно из-за того, что ему этого хватает, с ним и хочется находиться так долго.

— Хорошо, тогда мы купим тебе мороженого, — говорит Наташа и увлекает меня в сторону подъезда.

Как обычно, перед выходом в город мы немного задерживаемся под аркой. Я насвистываю, ухаю совой, кукую, демонстрирую горловое пение. Наташа щёлкает языком. Здесь очень приятная акустика. А в руках у нас по красной маминной туфле.

Из арочной прохлады мы выходим в город. Здесь гораздо жарче, чем у нас во дворе. Честно говоря, здесь просто хуже. Здесь много всего разного, но ничто из этого не греет так же, как, например, наш дворовый лесок. По трассе равнодушно носятся машины. Мимо идут такие же равнодушные люди. Даже трамвай дребезжат не уютно, а чуждо. Даже газировочные автоматы — сознательная попытка городского руководства совершить шаг в сторону размеренного и надёжного прошлого — отдают холодом современности, духом мошенничества и подделки. Если бы меня заставили выбирать: или навсегда в городе без права заходить во двор, или навсегда во дворе без права выходить в город, — я выбрал бы остаться во дворе. Но поскольку судьба не ставит меня перед таким выбором, я спокойно признаю город частью своей жизни и не отказываюсь от него; пусть будет. Тем более, с Наташей мне бывает хорошо и в городе.

Солнце ощутимо припекает затылок. Предстоящий путь в несколько кварталов кажется долгим и заранее неинтересным. Но я не хочу выдать Наташе свою тоску перед лицом города и сыплю странными незначительными шуточками. Кажется, я и сам начинаю верить, что всё не так уж плохо. В моей руке Наташина рука. Все мои мысли перемещаются в ту точку пространства, где наши ладони соприкасаются. Чужое и родное вспыхивают в этой точке равными промежутками времени, создавая пульс нашего общения. Наташа то бесконечно далека, то бесконечно близка.

“Так уходит этот день”, — слышу я внутри себя и тут же вспоминаю о парне.

“Нет ничего важнее и интереснее, чем быть рядом с ним, — понимаю я теперь совершенно отчётливо. — Нет ничего благороднее и лучше, — добавляю я нечто неожиданное, малопонятное для меня самого. — Да и вообще: это единственное, на что по-настоящему стоило бы расходовать время”.

Город на секунду вспыхивает для меня чем-то прекрасным — вспыхивает каким-то бесконечным путешествием (такое бывает со мной иногда), — и я знаю: это неразрывно связано с тем, что там, во дворе, лежит парень.

Вот и вывеска “Ремонт обуви”. Дошли. Под вывеской дверь, а на двери бумажка, на которой написано: “Ремонт обуви с обратной стороны здания”. С обратной, тенистой стороны здания мы находим уже не вывеску, а табличку над входом в подвал: “Ремонт обуви здесь”. Починщик обуви — полноватый мужчина в очках на кончике носа — принимает мамины туфли и поочерёдно вертит их в руках на свету низенькой настольной лампы.

— А почему вы перебрались отсюда сюда? — интересуется Наташа.

— Аренда дорогая, — отвечает починщик. — Уже не окупается.

— Уже? То есть люди стали реже обращаться к вашим услугам?

— Да, — признаётся починщик. — Именно. Эпоха перепроизводства. Такими темпами этот год доработаю — и всё, на заслуженный отдых. И так уже почти на нуле.

— Да ладно, — улыбается проницательная Наташа. — Вы, наверное, каждый год себе это обещаете.

— Это тоже верно, — смеряет её починщик внимательным взглядом поверх очков.

— И что же держит? — спрашивает Наташа.

— Что держит?.. — переспрашивает починщик и, отставив от себя обхваченную ладонями красную туфлю, задумывается. — Не знаю. Всю жизнь просто этим занимаюсь.

Взгляд его снова обращён к туфле.

— Любите, значит, свою работу?

— Люблю, как не любить. Запахи все эти люблю: кожа, клей, эпоксидка. Люблю, когда работа получается и вещь продолжает служить. С песней, в общем, работаю... Но денег это приносит всё меньше. А я с мамой живу — она у меня на дорогих лекарствах...

Мы помолчали. Я спросил, в какой день можно будет зайти за отремонтированными туфлями.

— Здесь работы — часа на полтора, — сказал починщик. — Можете погулять до... — он посмотрел на циферблат старого будильника, стоявшего на столе. — До двенадцати. К этому времени я точно закончу.

Мы вышли на улицу тратить полтора часа. Я огляделся по сторонам. Город не хотел преобразаться, оставался самим собой. В небе не было и следа надежды на дождь, на ту тревожную пасмурность, в которой чаще всего проскальзывает чудо. И мне стало немного тяжело нести на себе этот день. Но я всё ещё не хотел делиться этим с Наташей. Я решил, как обычно, выдумать какое-нибудь странное и смешное развлечение. И придумал игру под названием “дурацкие задания”. Правила просты: поочерёдно задавать друг другу эти самые дурацкие задания. То есть такие, чтобы в них было как можно меньше полезности и смысла.

Я задал Наташе следующее:

— Сорви три листочка с деревьев разных пород. Разложи их перед собой на земле. Один листочек за что-то похвали, другой — за что-то поругай, третьему пожалуйся на меня, как духовному наставнику.

Наташа бодро взялась исполнять задание. Прошлась по двору и вернулась с тремя листочками — кленовым, сиреневым и рябиновым. Я с удовольствием наблюдал за тем, как весёлая бессмыслица создаёт и облегчает мой день.

— Какой ты весь резной, необычный! И ни с каким другим тебя не спутаешь! — старательно хвалила Наташа кленовый лист. — И осенью желтеешь и краснеешь красиво. Молодчина ты! Так держать!

— А ты что? — ругала она затем сиреневый. — На твоём кусте такие цветы роскошные растут в мае месяце, а сам ты какой-то скучный. Гладкий, жёсткий. Лучше бы наоборот: чтобы цветочки всё лето цвели, а ты бы только в мае на две недели появлялся. Фу, какой!.. Слушай, мне даже его стало жалко, — обернулась ко мне Наташа.

— Ну, а к тебе, листочек, я хочу обратиться с проблемой, — обращалась она жалобно к рябиновому. — Вот этот молодой человек иногда со мной грустит. И я не знаю, как ему помочь. Он молчит, ничего не объясняет. И я из-за этого сама начинаю грустить непонятно отчего. Ты уж посоветуй, как мне быть...

— Ну как? — спросила меня Наташа, выполнив задание.

— Великолечно, — поаплодировал я. — Давай своё.

Наташа, подумав, попросила меня раздобыть во дворе любое живое существо и постараться научить его рисовать.

Я отправился на поиски. Здесь тоже был хороший двор. Не такой, конечно, прекрасный, как наш, но тоже хороший. Много старых деревьев, обросшие вьюном заржавелые карусели, деревянные скульптуры сказочных животных, когда-то окрашенные в яркие краски, а теперь бесцветные. На меня приземлилась божья коровка. Я взял её в ладонь и понёс к Наташе, которая сидела в ожидании на скамейке, сел рядом, положил коровку на лист сирени, который Наташа незадолго до этого отругала, и, взяв первый попавшийся под руку камешек, приступил к уроку рисования.

— Вот смотри, — говорил я насекомому. — Давай я покажу тебе, как рисовать... ну, хотя бы тебя самого. Очень просто. Вот кружок, — я начертил на земле кружок. — Теперь давай разделим его пополам. Это, как ты понимаешь, твои крылышки. Вот пятнышки, вот усики. Вот глазки. А вот твои шесть лапок. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Вуаля! Получается, конечно, немного схематично, но ведь ты только учишься. Не пытайся сразу нарисовать себя в натуралистичной манере. Это очень сложно. Да и ни к чему. Потому что натурализм себя не оправдал. Так что начни лучше именно с этого, более простого и душевного способа. Назовём его для ясности “базовый”. Ну что ж, давай, дорогуша, бери камешек — и пробуй. — Я положил камешек рядом с коровкой. — Ну, ты чего? Боишься, что не получится? Брось! Не получится с первого раза — получится со второго, с третьего, с четвёртого. Как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает...

Коровка выправила из-под хитина прозрачные крылышки и улетела.

— Ну? Как тебе? — спросил я Наташу, отряхивая руки.

— Засчитано, — сказала она, глядя на меня ласково и немного озорно. У неё зазвонил телефон. Это звонила Саша. Узнала, где мы. Сообщила, что кое-кто из ребят уже выбрался во двор. Что народ после обеда собирается на пруд. Что с нас по этому поводу бутылка вина.

По правде говоря, я не очень люблю ходить на пруд. Там Наташа, раздеваясь до купальника, становится как будто дальше от меня, хоть и всегда даёт мне понять глазами, что раздевается, прежде всего, для меня. Да и вообще: я люблю этот пруд только осенью, когда в нём никто не купается. Пруд — это скорее город, чем двор. А озарения там случаются ещё реже, чем в городе. Да почти никогда не случаются.

— Получается, они ещё не видели парня? — спросил я Наташу, когда она закончила разговор по телефону. — Саша, кажется, ничего не сказала о нём.

— Почему не видели? Конечно, видели. Наверняка уже видели. Кстати: не обижайся, но, по-моему, вы чем-то с ним похожи.

День потихоньку раскаляется. Я чувствую это даже в тени. Ничто так не похоже на время, как полуденная жара.

— Только внезапные паруса и брызги могли бы сделать эту жару прекрасной, — нечаянно произношу я вслух, думая, что говорю про себя. — Но в этом городе нет парусов и брызг...

Починщик сам вышел к нам из своего подземелья. Грустный маменькин сынок, представитель профессии с увядающей популярностью. А руки при этом густо покрыты кудрявыми чёрными волосами.

— Вот, — протягивает он нам туфли на вытянутых раскрытых ладонях, как протягивают в сказках какой-нибудь священный и волшебный дар. Например, меч. — Пускай мама носит на здоровье. Туфли хорошие. Ещё послужат.

По дороге назад мы останавливаемся у ларька с мороженым. Ларёк имеет форму цилиндра — тоже под старину. Берём себе и парню. Своё мороженое начинаем тут же есть. Очень вкусно.

Проходя под аркой, уже не пробуем акустику. Силы уже не те.

Вот и парень. Рядом с ним на полянке Саша, Максим, Антон и Лера. У Антона и Максима футболки в области подмышек сильно потемневшие, из чего я понимаю, что они только что упражнялись на турнике.

Наташа снимает с эскимо бумажную обёртку, протягивает парню мороженое. Мне интересно, как он будет есть.

Он берётся за палочку, пару раз поворачивает перед собой эскимо и внезапно обращает на меня свой лучистый взгляд:

— А может, вы хотите? Я что-то не очень хочу.

Я взглядываю на Наташу — она, продолжая глядеть на парня, пожимает плечами. Я беру у него эскимо и ем, сидя у него в ногах. Щебечут птицы. Мне кажется, что они не щебетали так оживлённо, пока здесь не было парня.

С одной из тропинок на полянку выходит Лиля. Она из нашей компании, но какая-то отдельная. Её нельзя назвать симпатичной: у неё по-бурятски широкое лицо, кривоватые ноги. Она никогда не ходит с нами на пруд. Быть может, ей просто претит раздеваться перед людьми. Лиля сразу садится на раскладушку, рядом с рукой парня. Она берёт его руку, поглаживает её, затем трогает его лоб, такая взрослая, почти уже старая в этом по-матерински заботливом движении. По верхушкам кустов пробегает первый за этот день порыв ветра. У меня к горлу подкатывает комок.

Кажется, ребята обсуждают поход на пруд. Максим и Антон, взяв ракетки, перепасовываются шариком через раскладушку. Видимо, они думают, что развлекают таким образом парня. Может, они и правы. Может, это действительно ему нравится. Является для него частью той общей красоты, которой он так поражён.

— Ну так что? — говорю я громко, словно пытаюсь пробудить себя самого от сна. — Через полчаса под аркой?

Через полчаса я вхожу под арку. Максим и Антон, ещё полные сил, играют с акустикой. Максим изображает ударную установку, а Антон сочиняет

на ходу какой-то бредовый речитатив. Оба танцевально переминаются с ноги на ногу.

*— Мы идём на пруд, мы идём на пруд,
На пруду седые раки и две иволги живут,
Там живут караси и немного иваси,
Там такая благодать, что просто Господи спаси.
Мы идём на пруд, айда с нами на пруд,
Водяные процедуры тебе сделают зер гуд...*

Я понимаю, что Антон по-своему талантлив. Что он спокойно мог бы заменить меня рядом с Наташей. Как быстро он находит слова. И довольно интересные. Например, внезапные “две иволги” и “немного иваси”. Вспомнил: он ведь учится на кинорежиссёра.

До пруда идти долго — как три или четыре раза до ремонта обуви. Я забегаяю в винный магазин. Беру бутылку полусладкого и, подумав, беру ещё одну.

— Ты что, две взять решил? — спрашивает Наташа, когда я догоняю компанию. — Хочешь больше запьянеть? Ты сегодня какой-то особенный.

Я вижу, что она хотела бы задать ещё один вопрос: “Это из-за парня?” — но не решается.

На сером пруду летают обидные не морские чайки. Обречённо топорщатся зонтики. На горизонте так же обречённо топорщится и дымит белёсый город. “Паруса и брызги”, — думаю я. На небе появляются облака; это хоть немного радует. Антон вытаскивает из пакета свёрнутого воздушного змея. Расправляет его. Максим в это время разматывает верёвку. Я откупориваю первую бутылку и пью из горлышка.

Антон, раздетый до плавок, красиво бежит по песку и траве — и ромбический змей на верёвочке медленно воцаряется над пляжем. Ветер слишком слаб: чтобы змей оставался в воздухе, Антон не должен останавливаться ни на мгновение. Через десять минут он прибегает к нам запыхавшийся. Стоит, полусогнувшись, уперев ладони в колени. Не спрашивая, берёт у меня вино — и тоже пьёт из горлышка. А потом быстро бежит купаться. У Наташи лифчик и плавки купальника — в мелкую матросскую полоску. Наташа худая и такая стройная, на её теле много веснушек.

— Ты не пойдёшь купаться? — спрашивает она тревожно-заботливо.

— Наверное, пока нет, — отвечаю я и делаю очередной глоток вина.

Она идёт в сторону пруда: я вижу, что её бёдра впервые немного дразнят меня. В этот самый момент воздух становится чуть пасмурнее и на мой висок падает маленькая, но обжигающе холодная капля. Ракитник на противоположном берегу блеснул серебристой волной, показав изнанку листвы. Кажется, это был первый случай, когда пруд подарил мне нечто близкое к озарению.

Купальщики возвращаются мокрые и красивые. От них исходит приятный холод, которому приятно чуть-чуть завидовать. У Наташи и Антона, растилающих полотенца, невольно соприкасаются тела. Я вижу, что ни он, ни она не торопятся прекратить эту случайную близость. До этого я сидел на траве, а теперь откидываюсь на спину, вытягиваю ноги и закрываю глаза. Бутылка стоит у меня на животе, обхваченная руками, как свеча на животе покойника. Ребята, шутя, вынимают её у меня из рук, отхлёбывают вина и вставают обратно. Я чувствую усиление ветра. Большого мне не надо. День уже начинает осознавать свою конечность. Он становится грустнее и прекраснее. Вероятно, что-то будет.

Мокрая голова Наташи ложится приятной небольшой тяжестью на моё плечо. Я слышу тоненький, чуть сонный от купального наслаждения голос девушки больше грудью, чем ушами:

— Вот возьму и снова нажалуюсь на тебя рябиновому листочку. А с ним, знаешь ли, шутки плохи. Ты как — не боишься?

Не открывая глаз, я кладу ладонь на голое Наташино плечо. Я представляю океан времени в виде матросского рисунка на её купальнике, такого же схематичного, как на флаге страны Кирибати, и мы с ней плывём в сторону

вечера и ночи на волнах этого необъяснимо прекрасного рисованного океана. Но голова девушки ненадёжна и неверна, она отрывается от моего плеча. Ребята собираются поиграть в волейбол. Ещё вчера я играл бы с ними. Ещё сегодня я играл с Наташей в настольный теннис. А теперь это уже невозможно. Я ловлю ветер и капли — слабые брызги и дуновения из другого мира.

Я не могу уже запомнить, что именно происходит на пляже дальше. Кажется, происходит незаметное, ещё робкое сближение Наташи и Антона. Я понимаю, что это необходимая часть того, чем должен стать этот день, хоть мне и больно терять Наташу.

Мне снится сон: я в подвале у починщика обуви, только без Наташи. Починщик приглашает меня куда-то в угол, желая показать что-то интересное. Интересное занавешено фиолетовой вуалью. Починщик рассказывает:

— Всё это время я извлекал из мира нечто более прекрасное и важное, чем женщина. Это настоящая душа мира. С ней тоже можно вступить в союз, и этот союз будет прекраснее союза с женщиной. Он наполняет гораздо больше. Хотя я ещё не до конца доделал своё дело.

Чувствуя, что я должен узнать что-то ещё, починщик рассказывает о том, как добывал душу мира:

— С каждого ботинка, сапога, туфельки или сандалии я счищал вот в эту маленькую воронку духовный след, потом добавлял сюда пасмурные дни. Ты понимаешь, о чём я. — И я действительно понимал, о чём он. — А потом в тёмном и влажном месте — при помощи вентилятора — из этой простой мясорубки — вырастает вот что...

Он стремительно отзавешивает вуаль — и я вижу торчащую из труба обыкновенной мясорубки, привинченной к краю стола, огромную — больше арбуза — лиловатую спираль, подобную панцирю гигантской улитки.

— Её не надо целовать, — гордится починщик. Его голос дрожит. — Она просто есть. Она прекрасна и пасмурна. Если долго приглядываться, на ней можно увидеть слабые блуждающие перламутровые разводы. А посмотрев, как в её присутствии меняется воздух. Он становится похож на синий предгрозовый маринад. Сразу становится понятно, что что-то случится...

Его глаза священно сверкают. Я просыпаюсь и вижу песчаного цвета рюкзаки, закидываемый Наташей за плечо. Мы уходим.

Озноб огромного счастья не покидает меня всю дорогу назад. Наташа уже не держит меня за руку и вообще не держится рядом со мной. Она идёт то впереди, то сзади, идёт там, где Антон.

Никто не останавливается под холодной аркой. Только я один. Я просто стою под ней несколько минут, не издавая ни звука. В одно моё ухо гудит город, в другое — мягко залетает птицами двор.

Во дворе уже властвует дух вечера. Вечер идёт облепихам — они краснеют ещё задолго до того, как покраснеет само небо. Покраснело с вечером и Лилюно лицо. Оно покраснело и попрекраснело в святой заботе о парне. На лбу у парня безупречно белеет марлевый валик. Сколько же здесь, на этой полянке, белого! Я сегодня за весь день не видел столько белого. Надо было быть с этим белым, как Лиля.

Ещё час-другой — и воздух начнёт наполняться тем синим маринадом, о котором говорил починщик. Я всего-то отнёс в починку мамины туфли, придумал бессмысленную игру и попытался научить божью коровку рисовать, но пустота этого дня не помешает его великой финальной симфонии.

В руках ребят как-то очень вовремя начинают сверкать винные бутылки. Благородно-прохладно постукивает стекло. Максим пытается дать парню глоток вина, Лиля спокойно и строго отводит руку Максима. Комары и мухи садятся на парня. Лиля старательно и неторопливо отгоняет их веткой акации.

Господи! Начинается праздник вечера! Из его синего маринада уже выделяется тёплый электрический свет окон. Ещё минуту назад они, хоть и зажжённые, всё ещё темнели — и вот они уже светятся. Небо выходит из неподвижности и начинает вертеться в разные стороны. Антон и Наташа со сладким стыдом задевают друг друга губами в тени красной облепихи.

А вот и первые бледные звёзды. И облепила уже не красное облако, а силуэт. И все так любят меня. Все подходят ко мне по очереди и прощально целуют. Наташа склоняется надо мной и в последний раз дарит моим губам сладость своих губ. И эта сладость, к моему счастью, уже не обжигает меня обидой.

Не целует меня только Лиля. Она по-прежнему держит меня за руку, иногда поправляя у меня на лбу марлевый валик. Она такая добрая, такая молодец, я похвалил бы её — с той же интонацией, с какой Наташа сегодня хвалила тот кленовый лист (Боже, неужели всё это было сегодня — и было со мной?), но я знаю: Лилия не сможет пойти со мной дальше, она останется здесь, когда я отправлюсь туда. Всё равно: спасибо ей за её сухую суровую верность.

Я протягиваю слабую руку над голубеющим в сумерках пододеяльником, чтобы благословить напоследок человеческий праздник. Затем я начинаю невольно и жадно глотать сладкий воздух двора, и мой взгляд бесповоротно упирается в звёзды, за которыми мутно проступает световая спираль. Мои глаза, моё лицо, моя грудь, а затем и всё моё существо устремляется к этой спирали со скоростью света — и что-то, наконец, происходит.